

А. Н. ПРОНИНА

*Новосибирская государственная консерватория (академия)
им. М. И. Глинки*

УДК 78.072

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИБИРИ (XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)

Органная культура представляется интересным и вместе с тем малоизученным явлением художественной жизни Сибири. Существуют лишь немногочисленные публикации, связанные с её современным состоянием. Дореволюционный же период становления, наиболее существенный с точки зрения исторических процессов, ещё только ждёт музыковедческого открытия.

Согласно многочисленным данным, выявленным автором в ходе работы с архивной документацией, ранний этап формирования органной культуры в Сибири как совокупности элементов, связанных с материальной, социальной и художественной сторонами бытования и функционирования инструмента, приходится на XIX – первую четверть XX веков. В основе этих процессов лежали два принципиально важных компонента: органной инструментальной и сами исполнители-органисты. И тот, и другой на данном этапе играли ключевую роль в становлении органной культуры, определяя её состояние, вектор и перспективы развития. В этой связи необходимо иметь представление о самих источниках и путях появления обозначенных компонентов в регионе, чему и посвящена данная статья.

Первоначальным фактором распространения в Сибири органного инструментария и появления исполнителей-органистов послужили религиозные потребности переселенцев католического и лютеранского вероисповеданий, среди которых были шведы, поляки, немцы, литовцы, латгальцы, эстонцы, латыши и др. Попадая в Сибирь добровольным или принудительным образом, они стремились к сохранению собственной национальной культурно-языковой среды, религиозных традиций, социальной и культурной самоидентичности, объединяясь в диаспоры. В этом отношении важную консолидирующую роль играла церковь. Она являлась культурно-просветительским центром, оазисом родной культуры, олицетворением того привычного мира, который они стремились вос-

создать и утвердить на чужой земле. В ней осуществлялось отправление религиозных обрядов, организовывалось школьное образование, проводился досуг – чтение в церковной библиотеке книг и периодической печати, встреча праздников, постановка спектаклей, духовные концерты. Таким образом, полифункциональная роль церкви обуславливала стремление западно-христианских переселенцев к строительству храмов.

Первые, преимущественно деревянные, храмовые здания лютеранской и католической конфессий стали появляться с конца XVIII века в крупных административных городах Западной и Восточной Сибири – Омске, Тобольске, Иркутске, Томске, Барнауле, Красноярске. Со второй половины XIX века в губернских, окружных и уездных городах региона получили распространение каменные церкви. К началу XX века было построено порядка семидесяти католических и тридцати лютеранских церквей по планам как местных, так и приезжих архитекторов [20].

Лучшие образцы западно-христианского храмового строительства в Сибири связаны с известными именами представителей трёх столичных архитектурных школ – Императорской Академии художеств (Гаральд Юлиус Боссе), Института гражданских инженеров в Петербурге (Иван Фомич Тамулевич, барон Генрих Владимирович Розен) и Московского Дворцового архитектурного училища (Гавриил Стефанович Вершинин).

Архитектору Императорского двора, академику Боссе, который прославился строительством Немецкой Реформаторской церкви (1862–1865) и дворцовых ансамблей в Петербурге, принадлежат планы евангелическо-лютеранских церквей Барнаула (1857–1861) и Томска (1851–1859) [19]. Вершинин стал автором проекта Омской католической церкви, построенной в 1862 г. По проекту архитектора, статского советника Тамулевича в 1881–1884 гг. выстроен костёл Успения Пресвятой девы Марии в Ир-

кутске, сохранившийся по сей день. Барону Розену принадлежит план лютеранской церкви Вознесения Господня в Иркутске (1885). Воспитанниками Санкт-Петербургского института гражданских инженеров созданы проекты католических церквей в Барнауле (1907–1909, архитектор Иван Коликст Феодосиевич Носович) и Красноярске (1908–1915, архитектор Владимир Александрович Соколовский) [3]. Выпускником Высшего художественного училища Санкт-Петербургской Академии художеств в мастерской Л. Н. Бенуа Викентием Флорентиновичем Оржешко создан проект Бороковского католического храма, построенного в 1900-е гг. [20].

Устройство католических и лютеранских храмов, как внешнее, так и внутреннее, максимально приближалось к западным образцам. Всё в них ассоциировалось с европейской культурой: от самой архитектуры зданий, выполненной в традициях кирпичного храмостроения с использованием романо-готических форм и схем зального типа, иконописи и витражей работ соотечественников до традиционного богослужения и наполняющего его органного звучания, уже много веков неразрывно связанного с сакральным пространством и литургией западно-христианских церквей.

Орган имеет для западных христиан глубочайшее значение. Издавна этот инструмент олицетворял собой идею мироздания. Аллегория «мирового органа» изобразили А. Силезиус, И. Кеплер. А. Кирхер распределил «музыку» мира по шести органным регистрам, соответствующим дням творения. Преториус говорил о мире, как органе, создатель которого одновременно и органист [4, с. 116]. В действительности, органное звучание пронизывает всю жизнь западного христианина в таких событиях, как рождение, крещение, причастие, венчание, смерть, а также в повседневном богослужении и светской жизни.

Однако в Сибири никогда не было, да и не могло быть производства органного инструментария, включающего органы и фисгармонии (так называемые «язычковые органы»)!. Последние были особенно популярны в Сибири, поскольку не требовали настройки и отличались неприхотливостью в эксплуатации, более простыми способами транспортировки, что было чрезвычайно актуально, учитывая географическую и климатическую специфику региона. Каждый случай приобретения органного инструментария в Сибири уникален. Процесс сопровождался спектром разнообразных проблем: от поиска инструмента и сбора на него солидных денежных средств, до организации перевозки в условиях сурового климата и неразвитости транспортных путей и инфраструктуры.

Покупка органа для католических и лютеранских храмов осуществлялась на средства из пожертвованных прихожан и меценатов. Например, из «Визита» Иркутской католической церкви за 1841 г. известно, что «орган о пяти голосах» куплен на добровольные

пожертвования, собранные в Санкт-Петербурге, Москве и Иркутске кеёндзами бернардинского ордена². В 1899 г. для Омской лютеранской церкви Св. Екатерины приобретён орган за 350 рублей благодаря деятельности пастора Н. Блюмберга и почётного попечителя барона Таубе, капитально отремонтировавшего здание пастората на средства казны³.

Во многих западно-христианских церквях сбор необходимых средств на приобретение и транспортировку органного инструментария занимал продолжительное время. Так, например первый инструмент Томской католической церкви – язычковый орган французской фабрики «Александр» стоимостью в 450 рублей – куплен в 1862 г., спустя тридцать лет после постройки храма⁴. В брошюре «Отчёт о приходе и расходе сумм Томской римско-католической церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1902. Томск. Акцидентная типография В. М. Перельман. 1903»⁵ приводятся подробные сведения о сборе средств на новый орган, приобретённый в 1902 г. Сумму в 1717 рублей 43 копейки на его покупку, доставку и установку составили: тарелочные (258 руб. 35 коп.) и кружечные (31 руб.) сборы, осуществляемые в церкви, доходы от продажи крестиков и молитвенников (31 руб.), проценты от вклада на орган в 300 рублей в Государственном банке (6 руб. 51 коп.), средства от «жертвователей на орган», собранные через католиков станций Зима, Обь, Тайга и других населённых пунктов Томской губернии, поимённый список которых приводится в «Отчёте».

Бывали случаи, когда западно-христианским общинам Сибири инструменты передавались в дар. Например, в описании интерьера Омской католической церкви упоминается орган, по легенде подаренный императрицей Марией Фёдоровной. Другой пример связан с именем ссыльно-заключённого Т. Мрозовского. После побега в 1854 г. из Нерчинского завода во Францию Мрозовский приобрёл там для Нерчинско-заводской католической часовни орган. В те же годы во Франции находился московский купец Николай Боткин – известный чаоторговец, имевший закупочную контору в Кяхте, который осуществил доставку этого инструмента в Сибирь [3, с. 227–229].

Для католической общины поселка Верхний Суэдук орган был подарен частными лицами из Финляндии. Об этом свидетельствует масштабная переписка Евангелическо-Лютеранской Генеральной Консистории, Генерал-губернатора Великого Княжества Финляндского, Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий и некоторых других организаций «по вопросу о доставлении в Верхний Суэдук, Восточной Сибири, органа, пожертвованного некоторыми частными лицами в Гельсингфорсе» от 1884 г., раскрывающая поэтапно стадии транспортировки инструмента⁶.

Помимо Финляндии, органы привозились из Польши, Литвы и других районов России. Католические

общины региона, состоящие преимущественно из поляков, приобретали органный инструментарий на своей родине. В частности, в «Визитном описании Томской римско-католической церкви» содержатся следующие сведения: «орган американской фабрики “Эстля и Ком”, новый, с двумя клавиатурами, купленный в 1882 г. в Варшаве в магазине Гросмана Вице-Курамом Громадским⁷ – 1000 руб.»⁸. В расходной ведомости (описании ремонта) Читинской римско-католической церкви за 1899 г. имеется следующая информация: «Куплены: мелодикон венской фирмы Коткевич, с двумя ручными и одной ножной клавиатурой на 6 регистров 780 руб. Перевозка из Варшавы до Иркутска 113 руб. 16 коп. До Читы 68 руб. 68 коп. Органисту Боцалевскому за проезд в Читку из Варшавы 100 руб.»⁹.

После постройки в 1906–1909 гг. Каинской католической церкви в ней установили инструмент органостроительного мастера Йонаса Гаралевичуса, привезённый из Литвы.

Важным источником фисгармоний для Сибири являлись Петербург и Москва, в которых находились представители иностранных производителей этих инструментов. Одним из поставщиков фисгармоний популярной французской марки «Дебен» являлся Селим Франсуа Дюфур (1799–1872) – предприниматель из Франции, музыкальный издатель, представитель французской книжной торговли дома Брандуса в Санкт-Петербурге в 1833–1863 гг., располагавшийся на Невском проспекте в здании Голландской церкви. Так, например, в сметах на строительство Томской лютеранской церкви, датированных 1855 и 1857 гг., среди описания необходимых строительных работ, затрат на строительные материалы и рабочую силу и прочее, присутствует пункт расходов «на покупку из С. Петербургского магазина С. Дюфура органа-мелодиума [фисгармонии. – А. П.] работы Дебена в Париже о 8-ми регистрах с доставкой на сумму 350 рублей»¹⁰.

В 1856 г. во время капитального ремонта Иркутской католической церкви было принято решение заменить орган, эксплуатировавшийся в течение тридцати лет, на новую фисгармонию. В том же году выписан «орган-Мелодиум Парижской фабрики Дебена», средства на приобретение и доставку которого собраны с пожертвований прихожан. В одном из архивных документов содержатся следующие сведения: «В 1857 году “Комитет” затеял основательную перестройку Иркутского костёла ... Новый орган привезли из Петербурга, на фасаде поместили большое чугунное распятие, подарок декабриста М. Лунина, которое ему на каторгу прислал сам римский папа...»¹¹.

По свидетельству сибирской периодики на рубеже XIX–XX веков в Сибирь доставлялись фисгармонии марки «Манборг» (Лейпциг) с Центрального склада и фабрики музыкальных инструментов И. Ф. Мюллера в Москве. Кроме того, язычковые ор-

ганы приобретались у Поставщиков Двора его Императорского Величества, имевших филиалы в Петербурге: Королевско-Саксонской придворной фабрики в Дрездене «Эрнст Капс», а также фабрики «Юлиус Генрих Циммерман». Например, в рекламных публикациях последней фирмы дана информация о возможности заказа из Санкт-Петербурга фисгармоний как собственного производства, так и немецкой марки «Шидмайер», со ссылкой на рекомендации композитора Ференца Листа, органиста Мариинского театра, дирижёра и композитора Войцеха Ивановича Главача, пианиста и композитора, профессора Петербургской консерватории Адольфа Львовича Гензельта. В объявлении приводится стоимость инструментов: «... концертные в 400, 600 рублей, с двумя клавиатурами в 800 и 1000 рублей, модель Главача 2000 р.» [11, с. 4].

Указанные фисгармонии представляли собой крупные инструменты концертного типа, именуемые во Франции «Harmonium monumental», в Германии – «Kunstharmonium». Они обладали богатой регистровой палитрой, двумя и более мануалами, педальной клавиатурой, копульной системой, включающей все регистры на всех мануалах и соединяющей мануалы с педалью. Согласно сохранившимся архивным свидетельствам, большие концертные фисгармонии «Шидмайер» имелись в католических церквях Барнаула и Красноярска. Барнаульский католический приход приобрёл двухмануальную фисгармонию параллельно с постройкой церкви в 1907–1909 гг. Такой же инструмент имелся в Красноярской католической церкви. Согласно «Сдаточно-приёмной инвентарной описи имущества Красноярского римско-католического костёла от 4 августа 1914 г.» немецкая фисгармония появилась в храме в качестве замены предыдущего инструмента, утраченного вместе со всей церковной утварью во время пожара 1904 г.¹²

Строительство Транссибирской магистрали открыло возможности для продажи язычковых органов непосредственно на территории Сибири. В крупных городах появились агенты и представительства известнейших в мире компаний по производству фисгармоний, а также собственные склады с инструментами, из центральной России приезжал обслуживающий персонал. Так, в 1899 г. вышеупомянутая компания «Эрнст Капс» открыла очередной склад в Иркутске в торговом помещении А. Я. Прейсмана, где помимо пианино, роялей имелись и фисгармонии [15, с. 4]. Согласно рекламным публикациям старинных сибирских газет, в Томске продажей язычковых органов занимались П. И. Макушин¹³ и В. Ф. Шмидт¹⁴. Это позволило оснастить необходимым инструментарием практически все католические и лютеранские церкви, количество которых в начале XX века возросло в десятки раз. По свидетельству архивных источников, в конце XIX – начале XX веков язычковые органы появились: в католических церквях Тобольска¹⁵, Новониколаевска¹⁶, д. Добринки¹⁷,

п. Белостока¹⁸, Мариинска¹⁹, п. Рогачёвки²⁰, Верхнеудинска²¹, лютеранской церкви с. Ряпина²² и др. Аналогичные данные есть и о Владивостоке²³.

Впоследствии, благодаря активизации торговых отношений, язычковый орган получил распространение также в быту сибирских жителей – в домах интеллигенции и стенах учебных заведений, о чём свидетельствует обилие рекламных объявлений о продаже фисгармоний, обучении игре на этом инструменте, об услугах инструментальных мастеров по их починке и обслуживанию.

Первоначально органной инструментальной в Сибири ограничивался рамками западно-христианских церквей и использовался в двух традиционных ипостасях: духовной в качестве аккомпанирующего инструмента во время богослужений, а также светской во время духовных концертов. Пути появления церковных органистов в Сибири не менее разнообразны. В большинстве своём органисты католических храмов являлись ссыльными, находившимися на каторге и поселении, как в Восточной Сибири, Забайкалье, так и западной части региона. Наиболее ранние из известных нам сведений связаны с именем Адама Гросса – участника Варшавского тайного общества и национально-освободительного движения, приговорённого к четырём годам каторжных работ по делу Г. К. Гзовского «за участие в заговоре произвести в Царстве Польском и Литве вооруженное восстание для введения республиканского правления» [14, с. 39]. В 1845 г. Гросс прибыл в партии ссыльных в Нерчинский завод, где, находясь на каторге, служил органистом в местной католической часовне.

Стали известны имена ссыльных участников польского восстания 1863–1864 гг. Августа Иванского и Карла Гриблевского, в 60–70-х гг. XIX века, выполнявших функции приходских органистов в Иркутской католической церкви [5]. Кроме того, органистами костёла Иркутска в разное время были Станислав Берджицкий, Ян Рыбацкий, Антон Живин, Юзеф Валевиц, Францышек Ксаверий Сокол, Леон Мильчинский, Станислав Плеер и др., многие из которых также являлись ссыльными [18].

В архивной документации выявлены имена польских повстанцев 1863–1864 гг., занимавших должность церковных органистов в Западной Сибири: Ивана Пинцовского – однодворца Виленской губернии, находившегося в ссылке в Томске с 1864 г.²⁴; Флориана Александрова Микульского – дворянина Минской губернии, сосланного с лишением прав на жительство (в 1866 г. он находился в Таре, с 1867 г. – в Семипалатинске, Таре и Омске)²⁵; Иосифа Севастьянова Шиманского, отбывавшего ссылку в Омском округе, а затем непосредственно в Омске²⁶.

Отметим персоналии органистов, специально приглашённых на данную должность в Сибирь. Известно имя латыша Яниса Дритиса, с 1880 г. более двадцати лет прослужившего в лютеранской церкви

латышской колонии села Нижняя Буланка Енисейской губернии, куда он приехал по приглашению пастора [23]. Также в архивных документах значится имя Боцалевского, которого в 1899 г. пригласили из Варшавы в Читинскую католическую церковь на место приходского органиста, параллельно с покупкой инструмента²⁷. В 1910 г. в католическую церковь Омска в качестве официального органиста из Польши был приглашён Мыстковский²⁸, имеющий профессиональную музыкальную подготовку²⁹.

Значительное число органистов западно-христианских церквей Сибири, представленных добровольными переселенцами, появились в конце XIX – начале XX веков в период активного освоения Сибири, строительства Транссибирской магистрали. В лютеранских церквях несли службу: в 1892–1912 гг. латышский органист Альберт Браун, получивший органное образование в немецкой гимназии в Риге [8, с. 156–157]; в 1910-х гг. немец Карл Фридрихович Пуфаль в Омске; Арабелла Рудольфовна Гизлер – в Томске³⁰. В 1900-х гг. в Спасской католической церкви (Томская губерния) работал литовский органист Франциска Бовко³¹, в костёлах Томска, с. Белостока и Новониколаевска – Станислав Михайлович Бах, Марьян Цезаревич Войнаровский [16].

Традиция духовных концертов в западно-христианских церквях стала важным фактором, повлиявшим на развитие светской линии органного исполнительства в регионе. На рубеже XIX–XX веков интерес к этой сфере проявили и представители сибирской интеллигенции, принадлежавшие к иным религиозным и национальным сообществам. Показательна в этом отношении роль Андрея Андреевича Ауэрбаха (1839–1903), в 1884–1900 гг. посвятившего себя музыкальной деятельностью в Томске. В своих начинаниях Ауэрбах опирался на опыт органного исполнительства и образования Санкт-Петербурга. Следует отметить в этой связи значение опосредованного влияния А. Г. Рубинштейна, с которым Ауэрбах имел дружеские и творческие контакты [2, с. 62]. Как известно, в 1862 г. Рубинштейн, являясь директором только что открывшейся Петербургской консерватории, учредил органной класс, первыми руководителями которого стали приходские органисты Г. Штиль, Л. Хомилиус, Ж. Хандшин, а первыми учащимися – П. И. Чайковский и Г. А. Ларош. От учеников требовалось: исполнение на органе полифонических произведений, владение регистровой техникой, импровизация на заданную тему, игра гармонии по цифрованному басу [9, с. 216]. Первые тридцать пять лет консерватория не имела своего инструмента, местом для образовательной и исполнительской деятельности класса служила лютеранская церковь Св. Петра и Павла с замечательным органом фирмы «Валькер». Впоследствии занятия, экзамены и концерты учеников и педагогов проходили в разных западно-христианских церквях Санкт-Петербурга, коих в городе насчитывалось

порядка двадцати. Подобного рода практика органного исполнительства и образования распространилась в других регионах страны, в том числе в Сибири.

Будучи директором томских музыкальных классов, Ауэрбах имел договорённость с местной лютеранской церковью, где неоднократно выступал как органист совместно с солистами Томского отделения ИРМО, преподавателями и учениками музыкальных классов, а также созданным им симфоническим оркестром. Издание «Сибирская жизнь» за 1888 г. знакомит с репертуаром одного из таких концертов. В исполнении солистов и органа прозвучали «Tuba mirum», «Lacrimosa» из Реквиема Моцарта, Интродукция, Финал и несколько номеров из оратории Гайдна «Семь слов Спасителя на кресте», «Песнь покаяния» (из Шести песен на слова Геллерта) Бетховена [12, с. 3].

Помимо Ауэрбаха, организатором духовных концертов и исполнителем в местных церквях был известный пианист, свободный художник Леонид Александрович Максимов. Музыкант приехал в Сибирь в 1897 г. по приглашению Томского отделения ИРМО сразу после окончания Московской консерватории³², в этом же году заняв пост директора музыкальных классов на время отсутствия Ауэрбаха.

Распространение в Сибири органного исполнительства в его богослужебной и концертной ипостасях, а также в домах интеллигенции и различного рода учебных заведениях, привело к необходимости организации обучения органистов на месте. Первые

шаги в этом направлении были предприняты частными музыкальными школами и народными консерваториями. Так, в школе М. Ф. Кнауф-Каминской, открытой в 1903 г. в Благовещенске, в перечень исполнительских дисциплин входил класс органа и фисгармонии, на что указывает реклама-афиша школы от 1910 г.³³ В Положении от 8 сентября 1917 г. Сибирской народной консерватории (учреждённой в том же году при Сибирском музыкально-певческом Обществе в Томске), в 1910 г. открывавшей специальный класс фисгармонии, а также Иркутской Народной консерватории (реорганизованной в Иркутский государственный музыкальный университет) от 1920 г. значится открытие классов органа [6, с. 398–399; 17, с. 170]. К сожалению, деятельности последних не суждено было осуществиться в силу трагических и разрушительных событий постреволюционного времени, повлёкших уничтожение храмов, инструментов и самих органистов, следовательно – отсутствие инструментария и преподавателей.

Тем не менее, факты учреждения в Сибири органных классов демонстрируют определённый уровень и вектор развития органной культуры в регионе, характеризующейся на рассмотренном этапе потребностью создания органного образования. Данная тенденция найдёт продолжение лишь спустя несколько десятилетий с открытием в 1968 г. класса органа в Новосибирской государственной консерватории, ознаменовавшим новую веху в развитии органной культуры в Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отличие от трубного органа, фисгармония представляет собой инструмент типа большой гармоники с механическими мехами, одной или несколькими клавиатурами, нередко педальной клавиатурой. В её основе – свободно проскальзывающие язычки, приводимые в действие воздушной струёй, нагнетаемой мехами [10]. Благодаря технической оснащённости, звуковым характеристикам, например, неограниченному по времени длению звука, приближающим фисгармонию к органу, стало возможным привлечь её к исполнению органного репертуара. Первоначально популярная в бытовом музицировании фисгармония постепенно начала входить в музыкально-литургическую практику. Впоследствии, в начале XX в. Папа Пий X дал официальное разрешение на использование фисгармонии наряду с духовым органом. Обладающая, по словам понтифика, «душой», «непрерывными, полными и богатыми гармониями», «младшая сестра органа» – фисгармония стала литургическим инструментом [22, с. 58]. Показательно, что сами производители фисгармоний в патентных названиях своих инструментов использовали слово «орган» («Орган Александра», «Орган Мустеля», «Кроун Орган» и т. д.) [21].

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1456. Л. 6 об.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 21. Л. 51 об.–52.

⁴ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1503. Л. 105 об.

⁵ РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2319. Л. 98.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 159. Л. 72–124.

⁷ А. В. Адрианов писал, что ксендз римско-католической церкви Томска Громадский был «самым усердным и преданным организатором костёла, не жалевшим и собственных средств» [1, с. 111].

⁸ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1503. Л. 105 об.

⁹ РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1665. Л. 68–69 об.

В связи с деятельностью ксендза Владислава Коминского на рубеже веков Читинская католическая церковь была перестроена и расширена, куплены язычковый орган, колокол, необходимый инвентарь.

¹⁰ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 102. Л. 18.

¹¹ В старейшем селе Иркутской области Урик у Лунина имелась частная католическая часовня. Её духовниками являлись францисканские монахи-бернардинцы из Иркутска и конвентуальный францисканец о. Тибурций Павловский, также ссыльный. Крест, о котором идёт речь, действительно с папским благословением был передан из Рима Лунину его сестрой (не ранее 1829 г.) [7, с. 271–272].

¹² НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1502. Л. 88–94 а.

¹³ Макушин Пётр Иванович (1844–1926) – ведущий деятель образования и просвещения региона последней четверти XIX – начала XX вв., основатель первого в Сибири книжного магазина, учредитель первой публичной библиотеки, Общества попечения о начальном образовании в Томске и др.

¹⁴ В. Ф. Шмидт – предприниматель из Петербурга, где в начале 1890-х гг. открыл магазин музыкальных инструментов. Получив наследство, он организовал собственное дело в Томске, однако не выдержал конкуренции с П. И. Макушиным [12, с. 43].

¹⁵ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1503. Л. 84 об.–93.

¹⁶ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1502. Л. 124–130 об.

¹⁷ Из беседы со сторожилом деревни Добринка Циприаном Соломоновичем Коноваловым (2010).

¹⁸ См.: [16].

¹⁹ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1502. Л. 110 об.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. Р–248. Оп. 3. Д. 104. Л. 13, 65, 66.

²² По материалам личного архива В. Ойнец-Николаевой.

²³ Из воспоминаний о. Даниила Мауэра – настоятеля католического прихода во Владивостоке (2008).

²⁴ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 6. Д. 8960.

²⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7918. Л. 79–80; Ф. 14. Оп. 1. Д. 520. Л. 31–32.

²⁶ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 597. Л. 23–32.

²⁷ РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1665. Л. 69.

²⁸ Имя органиста неизвестно.

²⁹ Информация из личного архива профессора Омского гос. университета Михаила Алексеевича Белокрыса.

³⁰ ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 10. Л. 16–16 об., 17, 21 об., 22.

³¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 681. Л. 23–24.

³² В консерватории Максимов обучался в классах профессоров Н. С. Зверева, А. И. Зилоти, П. А. Пабста.

³³ Реклама-афиша музыкальной школы находится в экспозиции областного краеведческого музея г. Благовещенска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианов А. В. Костёл в Томске // Город Томск. – Томск, 1912. – С. 12–17.

2. Бернандт Г. Б. Кто писал о музыке: био-библиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР: в 4 т. – М.: Сов. композитор, 1971. – Т. 1.

3. Гапоненко В. В., Семёнов Е. В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья первой половины XIX в. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2006.

4. Долгов К. М., Тищенко П. Д., Любимова Т. Б. и др. Эстетика природы. – М.: РАН, 1994.

5. Ендрюховская Б. Музыкальная жизнь польских ссыльных в Сибири в XIX веке // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. – С. 206–216.

6. Куперт Т. Ю. Музыкальное прошлое Томска. – Архангельск: Правда Севера, 2006.

7. Лунин М. С. Письма из Сибири. – М.: Наука, 1987.

8. Майский И. М. Воспоминания советского посла. – М.: Наука, 1964. – Кн. 1.

9. Ройзман Л. И. Орган в истории русской музыкальной культуры. – М.: Музыка, 1979.

10. Ройзман Л. И. Фисгармония // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. – М., 1981. – Т. 5. – Стб. 826.

11. Сибирская жизнь. – 1904. – № 40. – Объявления.

12. Сибирская жизнь. – 1888. – № 23. – Театр и музыка.

13. Сибирская старина: краеведческий альманах, № 19 / [ред.-кол.: Н. М. Барабанщикова и др.; гл. ред. Я. А. Яковлев]. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002.

14. Тимофеева М. Ю. Участники польского национально-освободительного движения в Забайкальской ссылке (1830–1850): материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. – Вып. 8.

15. Томские губернские ведомости. – 1899. – № 28.

16. Ханевич В. А. Сибирский Белосток: сб. док. и матер. – Томск: Белый орёл, 1998.

17. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987.

18. Шостакович Б. С., Ячменёв Е. А. Польский костёл // Восточно-Сибирская правда. – 1988. – 5 ноября.

19. Ющук Л. А. Архитектура евангелическо-лютеранских церквей св. Павла в Барнауле и св. Марии в Томске архитектора Г. А. Боссе // Интеллектуальный потенциал Сибири: сб. тез. докл. Новосибирской межвуз. науч. студ. конф. – Новосибирск, 1998. – С. 90–92.

20. Ющук Л. А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем Востоке (1792–1917): автореф. дис. ... канд. архитектуры. – Новосибирск, 2000.

21. Gellerman R. F. Gellerman's International Reed Organ Atlas. – Vestal NY: The Vestal Press, 1998.

22. The Harmonium. Its History, Its Literature // The Caecilia. Magazine of Catholic Church and School Music. – Boston, 1934. – P. 58–61.

23. Driķis J. Bulānietis. Sibīrijas atmiņas // Jaunatnes Draugs. – Rīga, 1926. – № 5–12. – URL: <http://www.iclub.lv/life/LB/atminas.htm> (дата обращения: 14.05.2010).

Пронина Анна Николаевна

аспирантка кафедры истории музыки
Новосибирской государственной консерватории
им. М. И. Глинки

